

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-7-1.6>

Донгак Уран Алдын-ооловна

ОСОБЕННОСТИ ПЕРВЫХ ПЕРЕВОДНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ТУВИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В статье рассматривается вопрос об особенностях переводческой деятельности в тувинской литературе в период ее становления. В этой связи анализируется тувинский перевод стихотворения А. С. Пушкина "Я памятник себе воздвиг нерукотворный". Автор обосновывает положение о том, что переводческая деятельность 1930-40-х годов в Туве была очень активна, ориентирована в первую очередь на детского читателя и непосредственно связана с политико-идеологической литературой того времени. Переводная литература способствовала становлению тувинского литературного языка.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/7-1/6.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 7(85). Ч. 1. С. 29-33. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

14. Семёнов А. История жизни Кецай Кеккетына // Корякский коммунист. 1963. 21 сентября.
15. Сычевская В. В. Материалы о Кецае Кеккетыне в архивах корякского окружного краеведческого музея. Поиск продолжается // Доклады 3-х литературных чтений, посвящённых первому корякскому писателю Кецаю Кеккетыну. Палана: Корякская окружная библиотека им. Кецай Кеккетына; Окружной институт усовершенствования учителей, 2003. С. 29-31.
16. Творчество народов Дальнего Севера / сост., ред. Л. Н. Стебакова. Магадан: Магаданское книжное издательство, 1958. 204 с.
17. Х. К. Хоялхот / на корякском языке; под ред. С. Н. Стебницкого. М.: Изд-во Главсеверморпути, 1939. 120 с.
18. Хамидулина Л. Г. Природа малой Родины Кецай Кеккетына и её значение в становлении личности писателя // Доклады 3-х литературных чтений, посвящённых первому корякскому писателю Кецаю Кеккетыну. Палана: Корякская окружная библиотека им. Кецай Кеккетына; Окружной институт усовершенствования учителей, 2003. С. 22-29.
19. Хелол Т. Сын корякской земли // Народовластие. 2008. 25 марта.
20. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. 9471. Оп. 1.

PAGES OF BIOGRAPHY OF THE FIRST KORYAK WRITER KETSAI KEKKETYN

Golovaneva Tat'yana Aleksandrovna, Ph. D. in Philology
Poltoratskii Ivan Sergeevich

*Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk
gta-77@mail.ru; ipoltora@gmail.ru*

The article reviews the creative work of the first Koryak writer Ketsai Kekketyn (1918 – about 1937/1943) in the context of his biography. The first work of K. Kekketyn “Evnyto-batrak” (1935) tells about the first months of Soviet power establishment in Kamchatka. The historical novel “The Last Battle” (the author’s title “The Unconquered”, 1936) is devoted to the era of tribal wars. The ethnographic authenticity of the image and the desire for psychological accuracy allowed the 18-year-old writer to create a dramatic story inscribed in the context of the history of the Koryak ethnic group. The rapid rise of the gifted Koryak writer broke off suddenly. The documents testifying to the time and circumstances of Ketsai Kekketyn’s death are missing that generates a number of contradictory versions, a review of which is presented in this article.

Key words and phrases: newly created written literature; the Koryaks; Koryak language; Koryak literature; Ketsai Kekketyn; Stebnitskiy; literature of Kamchatka peoples; Kamchatka writers; North studies.

УДК 821.512.156

Дата поступления рукописи: 26.12.2016

<https://doi.org/10.30853/filmnauki.2018-7-1.6>

В статье рассматривается вопрос об особенностях переводческой деятельности в тувинской литературе в период ее становления. В этой связи анализируется тувинский перевод стихотворения А. С. Пушкина «Я памятник себе воздвиг нерукотворный». Автор обосновывает положение о том, что переводческая деятельность 1930-40-х годов в Туве была очень активна, ориентирована в первую очередь на детского читателя и непосредственно связана с политико-идеологической литературой того времени. Переводная литература способствовала становлению тувинского литературного языка.

Ключевые слова и фразы: тувинская литература в 1930-40-е годы; художественный перевод; Пушкинские дни; влияние русской литературы; идеологические требования; неологизм; тувинский литературный язык.

Донгак Уран Алдын-ооловна, к. филол. н.

*Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований (ТИГПИ), г. Кызыл
uranda@yandex.ru*

ОСОБЕННОСТИ ПЕРВЫХ ПЕРЕВОДНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ТУВИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Период с 1930-х по 1940-е годы – это время первоначального становления литературного творчества в новой социалистической Туве и дальнейшего, как пишут исследователи, т.н. ускоренного развития молодой тувинской литературы.

В эти годы в художественном мышлении тувинцев закрепляется феномен переводимости поэтических текстов не только с языка родственных народов, например монгольского, но и других. Переводческая деятельность в годы Тувинской Народной Республики (ТНР), как и все литературное творчество этого и последующих периодов в истории тувинской советской литературы, осуществлялась под идеологическим контролем государственных органов. В решении IV сессии Малого Хурала ТНР 1935 года отмечалась особая значимость печатания переведенных на тувинский язык произведений русской советской литературы и произведений тувинских аратов; а для поддержки литераторов предлагалось ввести награды за лучшие произведения, организовать литературные вечера и критические разборы произведений, усилить работу переводческого бюро при Министерстве культуры ТНР, сообщается в краткой истории тувинской литературы 1964 года.

Авторы этого труда также пишут, что Пушкинские дни 1937 года стали первой большой школой художественного перевода, и рожденные в это время стихотворные переводы впервые показали несостоятельность мнения о непереводимости русской поэзии на тувинский язык [15, а. 33-35].

Со времени появления в Туве русских учителей в начале века, открытия первой школы в Туране (1908) и создания первой государственной библиотеки в Кызыле в 1931 году «трудящиеся араты получили возможность пользоваться всем богатством русской классической литературы и периодики», пишет М. А. Хадаханов в своей монографии «Тувинская проза» [17, с. 10]. Отмечается здесь и выдающаяся роль советского ученого и писателя А. А. Пальмбаха как переводчика на русский язык знаменитой трилогии С. К. Тока «Слово арата», а также во всей культурной жизни республики. Зарождению тувинской прозы способствовали, кроме переводов А. С. Пушкина 1937 года, первые статьи о Ленине на тувинском языке (1931), а также тот факт, что тувинские писатели-переводчики «глубже и конкретнее узнали сущность литературной работы; учились определению темы, отбору фактов и явлений, обрисовке характеров, построению сюжета и использованию выразительных средств языка для создания образов», – сообщается в этом труде [Там же, с. 10-11].

Собственно перевод с русского языка появляется, судя по сохранившимся изданиям, с книжки малого формата в 18 страниц «Учитель Ленин» (“Paşkь Lenin”, 1931, 5 тысяч экземпляров), где на авантитуле указывается: «историю Ленина перевели с русской книги товарищи Шыргай-оол и Бузыкаев», а послесловие, называемое «О Ленине и малых народах» («Ленин болгаш бичии улустарның дугайы»), сочинил товарищ Тока [22].

Рассуждая о влиянии русской литературы на тувинскую, о творческих контактах между писателями и о переводческом деле, автор исследования «Тувинская поэзия» Д. С. Куулар вспоминает широкую общественную деятельность А. А. Пальмбаха и факт переводов в те годы не только на тувинский язык, но и с тувинского – на русский; пишет о значении «дружеской опеки» других писателей-посредников – С. Щипачева, В. Кожевникова, возглавлявших литературные и журналистские кружки И. Лебедеву и Ф. Лаврову. Художественное «взаимопересечение» тувинского мира с миром других народов состоялось также благодаря популярному в те годы в народе циклу народных революционных песен, переведенных с монгольского языка. Об этом вкладе в развитие художественного перевода в Туве впервые пишет в своей книге Д. С. Куулар [6, с. 11-14].

В период зарождения тувинской литературы переводческая работа способствовала профессиональному росту тувинских писателей и, что немаловажно, развитию литературно-критической мысли в Туве, отмечается в очерках по истории тувинской литературы 1975 года. Самыми первыми переводами стали тексты в книгах для чтения «Юные строители» (“Vicij turguzukcular”) и «Наш труд» (“Pistiñ azy”) [19; 23]. В них авторы учебников сумели на родном языке доступно, понятно и образно рассказать о важнейших событиях революционного мира, изложить будни школьной жизни и т.д. Примечательным, знаменательным, «сияющим явлением» литературной жизни Тувы, как сообщается в этих очерках, стали тувинские переводы произведений: «Я памятник воздвиг себе нерукотворный» А. С. Пушкина (перевел С. Пюрбю, «Памятник» – «Тураскаал»), песни «Интернационал» и «Песня о родине» Лебедева-Кумача, повесть А. С. Пушкина «Капитанская дочка» (перевод коллективный) и рассказ М. А. Горького «Макар Чудра» [16, а. 52-53].

Как сообщает в своих публикациях исследователь В. С. Салчак, опираясь на архивные источники, «Интернационал» перевел М. Идам-Сюрюн, песню Лебедева-Кумача – С. Пюрбю, а рассказ «Макар Чудра» М. Горького – С. Сарыг-оол [13, а. 5, 7].

Переводы как важная составляющая культурной жизни тувинского общества и молодой тувинской литературы рассматриваются в статье «О переводах русской классической литературы на тувинский язык» («Классиктиг орус литератураны тыва дылче очулдуруп турары») ведущего тувинского литературоведа А. К. Калзана, вошедшей в его книгу «Жизнь и литература» («Амыдырал болгаш литература» (1980)). Здесь ученый пишет, что тувинские переводы явились стимулом к формированию и развитию тувинского литературного языка. В этой статье также поднимаются вопросы теоретического осмысления переводов: буквальный перевод и смысловые искажения, передача стиля и языковых особенностей переводимого текста, возможность использования опыта русской переводческой практики [3].

Действительно, первые тувинские книги для чтения стали своеобразной азбукой перевода. Необходимо отметить, что, как и вся детская советская литература, детская литература Тувы являлась важнейшим политическим оружием, подчинялась идеологическим задачам и канонам нового искусства [1, с. 270-292]. Например, вышеназванная книга «Юные строители» 1932, 1933 и 1934 годов издания, всего на 133, 119 страницах, включает большое количество небольших рассказов о школьниках. Скорее всего, они писались по образцу советских учебников. В книге «Юные строители» не указывается факт перевода, однако на авантитуле издания сообщается, что «научная ассоциация советской экспедиции по подготовке школьных учебников» оказала содействие при подготовке в те годы нескольких изданий [19]. По содержанию же вошедших в нее текстов видно, что, действительно, составители ее опирались на учебные пособия на русском языке, и большинство учебного материала было заимствовано и адаптировано к тувинской реальности. Например, ритмический строй стихотворных текстов «Пастушок Биче» («Кадарчы Биче») и «В лодке» («Хемеге») далек от традиционного тувинского; слабое начальное созвучие, почти полное отсутствие равносложности строк и в некоторых случаях появление конечных созвучий, как в русской рифме, свидетельствуют о заимствованном переводном характере текстов [Там же, а. 10-11, 15].

В эти годы благодаря переводам более активно идет процесс первоначального одностороннего влияния русской литературы на молодую тувинскую литературу. Заимствование поэтики переводимой (исходной) литературы переводящей (принимавшей) литературой происходит в этих первых тувинских изданиях. Например,

в книгу «Сборник пьес» («Сьындь şiiiler», всего 67 стр.) вошли три пьесы: «Чуртунуң херээ дээш» (За правое дело Родины) А. Львовой в переводе Саган-оола, «Аас-кежиктиглер» (Счастливые) А. Ульянинского в переводе Толгар-оола и «Чечектер» (Цветы) А. Чикарнова в переводе Хойлакаа [21]. Пьесы представлены здесь как «шии» (пьеса) и «Бир кездеге каттырынчыг шии» («Одноактная комедия»). Жанровое разделение произведений и заимствование жанровых определений происходит в данном издании: пьеса – *шии*, одноактная – *бир көжөгелиг*, комедия – *каттырынчыг шии* (букв.: смешная пьеса).

Книга для детского чтения («Книга для детей» – “Угуглар ному”) содержит рассказы: «Картина» (тувинское название «Чурук») Н. Олейникова в переводе на тувинский язык Сергея Пюрбю и «Застава имени Павлика Семенова» («Павлик Семеновтуң ады-биле адаан кызыгаар таннылы турар чер») под авторством В. Вальде в переводе Лагбужапа. Оба переводных произведения обозначены как «шериг кижиг чугаазы» (рассказ военного) и «школачы уруг чугаазы» (рассказ школьницы). В этих жанровых определениях запечатлен момент «рождения» одного из активных литературоведческих понятий жанровой терминологии в тувинской прозе *чечен чугаа* [26].

Приезд в 1942 году известного советского поэта С. Щипачева ознаменовал в Туве начало перевода с русского языка на тувинский язык произведений по тувинской тематике. В 1943 году в издании Союза писателей Тувинской Народной Республики “Тажьсь кьжъ” («Боевой клич») среди поэтических произведений тувинских авторов печатается стихотворение С. Щипачева «Тувинским друзьям» в тувинском переводе С. Сарыг-оола (“Тьва өңүктеримге”) [25, а. 49].

Два издания из Книжного фонда Научного архива ТИГПИ представляют интерес для изучения вопроса о переводах в тувинской литературе. Книга 1938 года «Речи товарища Сталина» (“Stalinnıj sugaalağ”) – довольно объемное издание в 144 страницы. Переводчик или переводчики не указаны. Ответственный редактор О. Шыырап. Еще одно издание – “Leninnıj pamdağ” («Биография Ленина») Ем. Ярославского в переводе С. Сарыг-оола [7; 8].

Таким образом, необходимо подчеркнуть, что из перечисленных изданий среди авторов переводимых произведений – классик русской литературы А. С. Пушкин, а также две известные личности Советской России 1930-40-х годов: жертва сталинизма, писатель и журналист Н. М. Олейников и идеолог сталинизма – Ем. Ярославский.

Для изданий 1930-х годов характерны как коллективные, так и индивидуально-авторские работы. «Капитанская дочка» Пушкина на тувинском языке 1938 года издания (“Karitan uguu”) переведена, как обозначено в книге, работниками Комитета по литературе. В архивных данных и статьях тувинских литературоведов сообщается, что перевод осуществил С. Самба-Людуп, что указано в издании 1950 года и в переиздании 2001 года (С. Самба-Людуп и Ш. Сат) [9; 11; 24].

По другим изданиям видно, что в первой редакции была осуществлена значительная редакторская обработка перевода, поэтому в первом издании отмечен факт коллективного перевода.

Перевод С. Пюрбю «Тураскаал» («Памятник») стихотворения «Я памятник воздвиг себе нерукотворный» А. С. Пушкина впервые опубликован в книге «Собрание произведений» («Чыындь чогаалдар» (1937)) [20, а. 40]. Анализ этого тувинского перевода раскрывает основные характеристики переводческой деятельности в Туве в 1930-40-е годы. Известный литературовед Л. В. Якимова пишет о «юбилейном уклоне» культурной политики советского государства и колоссальной идеологической роли Пушкинских дней 1937 года: «В соответствии с постановлением Совнаркома “Об ознаменовании 100-летия со дня смерти А. С. Пушкина” этот литературный юбилей мыслился не как разовая культурная акция, а как широко развернутое во времени и пространстве идеологическое действие. В центре был создан Пушкинский комитет под председательством А. М. Горького, активная роль в организации и проведении знаменательного юбилея отводилась местным литературным организациям» [18].

Как известно, один из зачинателей тувинской литературы С. Б. Пюрбю учился в Ленинграде в 1928-32 годы [12, с. 218-229]. По его признанию в своей автобиографии, русская литература, особенно творчество Пушкина, оказала огромное влияние на формирование его как поэта.

Перевод А. С. Пушкина «Я памятник воздвиг себе нерукотворный» – перевод смысловой, не буквальный. Этому способствовали следующие факторы.

Во-первых, в переводе Пюрбю изложены четыре строфы из пяти, 5-я – о божественном назначении поэта – по идеологическим соображениям – уже не печаталась в Советской России, была уже «пересмотрена» и сокращена.

Веленью божию, о муза, будь послушна,
Обиды не страшась, не требуя венца,
Хвалу и клевету приемли равнодушно
И не оспаривай глупца [10, с. 523].

Отсутствие последнего четверостишия меняет идейную основу тувинского перевода: вместо мысли о божественном призвании поэтического творчества в переводе Пюрбю – мысль о непреходящем значении поэзии Пушкина для народов России и для потомков, что тем не менее не противоречит общему авторскому замыслу, хотя и сужает идейно-эстетические границы произведения.

Торжественный строй пушкинской оды передается в тувинском переводе посредством 12-сложного силлабического размера тувинской стихотворной речи, который наиболее близок одическому шестистопному ямбу в русском стихе. Этот размер, в отличие от восьмисложника в тувинском стихе, не использовался

широко в тувинской народной поэзии. В данном случае мы обнаруживаем рождение нового стихотворного размера, впоследствии ставшего вторым по частоте использования во всей тувинской поэзии. В названном сборнике, содержащем несколько переводов, остальные – написаны восьмисложником, наиболее подходящим для 4-стопного ямба: «Чаадаевке» – Тока, «Сибирьче» – Сарыг-оол, «Пушкинче декабристарның харызы» – Лопсан [20, а. 41-46]. Пафос оригинала поддерживается преобладанием строфической начальной рифмы в тувинском переводе: *аааа, аааа, ббаа, бббб*. Здесь находим сразу параллель с шаманскими заклинаниями, где воодушевление особенно настроено на увеличение звуковых повторов.

Восклицания и использование устаревшей лексики (у Пушкина – *глава, столп, прах, тленья, доколь, шит, всяк суций, падишим, венец*) в переводе тувинского поэта С. Пюрбю не использованы, что объясняется, скорее всего, отсутствием в молодой тувинской литературе практики использования слов разных стилистических и лексических групп для поддержки жанрового оформления произведения, а также религиозным содержанием стихотворения Пушкина: *веление божие* и использование церковнославянизмов.

А. К. Калзан в своей статье «Общие тенденции развития языка тувинской литературы» обращается к высказыванию исследователя тувинского языка, проф. Ш. Ч. Сата, где отмечается: «Художественная литература своим влиянием обогащает, нормализует, возвышает и усиливает литературный язык. Роль основоположников тувинской литературы заключается в том, что они закрепили и разработали в литературных произведениях нормы современного тувинского литературного языка» [4, с. 128]. В более полном варианте вышеназванной его статьи А. К. Калзан пишет: «В развитии языка тувинской литературы в 40-50-х годах большую роль сыграла практика художественного перевода с русского на тувинский язык, которая получила тогда широкий размах. <...> Писатели-переводчики, как правило, не упрощали оригиналов, задавались целью изыскать (и находили) в родной речи соответствующие ему средства для адекватной передачи мыслей в литературной форме. Переводческая работа содействовала выработке современных стилистических норм тувинского языка и открытию заложенных в нем образных возможностей, которые без “подсказа” русского языка оставались как бы скрытыми» [5, с. 12].

В переводе С. Пюрбю знаменитого стихотворения «Я памятник воздвиг себе нерукотворный» А. С. Пушкина (1937) наблюдаем, как благодаря переводу расширяется лексика тувинского литературного языка. Философские понятия «свобода», «милость», «душа» здесь передаются словами *«хостал», «кээргел», «алдар-адым»*.

В современном тувинском литературном языке: свобода – *хосталга* [2, с. 523]. Здесь мы обнаруживаем неологизм Пюрбю, который более точно передает смысл «воля и свобода», как мы понимаем «восславил я свободу» у Пушкина, связанный с героическим выступлением декабристов. *«Хостал»* – в выражении состояния свободы в данном слове подчеркивается активность субъекта действия в отношении к личности, отдельному человеку. Сравним с С. Сарыг-оолом: его стихотворение «Эрге-шөлээ» (1934), переводимое как «Свобода», *досл.* «права и вольность», здесь используется в значении, относимом к понятию «общество».

«Милость к падшим призывал» – *«кээргел чарлааш»*, здесь «милость» – как *«кээргел»* (тув. жалость, милость, пощада) [14, с. 281], от *«кээргээр»*, жалеть, миловать, щадить. В «Современном русско-тувинском словаре» (1980) находим «милость» – как устаревшая лексика: *өршээл, хайыра* [2, с. 255]. В переводе Пюрбю 1937 года в данном случае не используются эти слова *өршээл, хайыра*, активные в народно-поэтической, фольклорной лексике, а вводится слово *«кээргел»*, как абстрактное понятие, и в такой форме позже вошедшее в академические словари. В настоящее время в значении «милость, сострадание» часто используется слово *«энерел»* с религиозным подтекстом, соотносимым с понятием из буддийской философии «сострадание». В вышеназванном словаре 1968 года это понятие зафиксировано словом *«энерелдиг»* как устаревшая лексика: благосклонный, милостивый, милосердный [14, с. 614].

Выражение «Душа в заветной лире» в стихотворении Пушкина «Я памятник воздвиг себе нерукотворный», где «душа» обозначает нематериальное бессмертное начало в человеке, в тувинском переводе передается словами *«Алдар-адым күзелдиг чогаалымда»*. Так, «душа» как «бессмертная субстанция», «сознание» вместо тувинских слов *«сагыш-сеткил»* и *«сүнезин»*, обозначенных в словаре как первое – «духовное» и второе – «субстанция души», в переводе Пюрбю заменяется *«алдар-адым»*, *досл.* «моя слава, мое имя». Понятие «лира» как поэзия в переводе Пюрбю звучит *«чогаалымда»* – *досл.* «в моих творениях, произведениях». Удачен перевод слова «заветный» – *«күзелдиг»*, *досл.* «желанный, сокровенный». В данном случае мы наблюдаем изменение смысловой части произведения в тувинском переводе Пюрбю. Если у Пушкина: Душа в заветной лире: весь я не умру – кроме телесного есть нечто другое – это душа – она бессмертна. *Сүнезиним* – очень тувинское понимание, но в то революционное время, начало советского атеистического времени, безусловно, невозможно было такое понимание: здесь душа – *алдар-адым* – мое имя и моя слава как поэта.

Таким образом, краткий анализ перевода С. Пюрбю стихотворения А. С. Пушкина, осуществленного в 1937 году, показывает следующее. Во-первых, на начальном этапе становления литературы, как правило, заимствуются вместе с культурными явлениями переходного нового периода тексты из других литератур, поэтому переводы осуществляются в подавляющем большинстве с чужого языка на родной язык, в данном случае в 1920-30-40-е годы в ТНР с русского или монгольского – на тувинский язык. Во-вторых, переводческая деятельность, как и вся молодая тувинская литература, была подчинена идеологическим требованиям времени. В-третьих, в поэзии переводчики, используя возможность народно-поэтической речи (стих шаманских *алгышей* и начальная строфическая рифма), расширяют диапазон тувинских стихотворных размеров, вводят нововведения (12-сложник в поэзии Пюрбю). В-четвертых, переводчики, опираясь

на народнопоэтические языковые изобразительные средства, для передачи новых явлений и понятий создавали новые слова из словарного запаса тувинского литературного языка, тем самым способствуя обогащению лексики современного тувинского языка.

Из всего вышеизложенного следует, что переводческая деятельность 1930-40-х годов очень активна, ориентирована, в первую очередь, на детского читателя, как и во всей советской литературе, и это непосредственно связано с политико-идеологической литературой этого времени. Переводная литература способствовала использованию безграничных возможностей родного языка в новой действительности, обогащению лексики, терминологии, расширению диапазона стихотворной техники тувинских поэтов, становлению тувинского литературного языка.

Список источников

1. Арзамасцева И. Н., Николаева С. А. Детская литература: учебник для студ. высш. пед. учеб. заведений. Изд-е 3-е, перераб. и доп. М.: Академия, 2005. 576 с.
2. Биче-оол М. Д., Делгер-оол А. К., Кунаа А. Ч. и др. Русско-тувинский словарь. М.: Русский язык, 1980. 560 с.
3. Калзан А. К. Классиктиг орус литератураны тыва дылче очулдуруп турары // Калзан А. К. Амыдырал болгаш литература: Тыва чогаал дугайында бодалдар (Жизнь и литература: размышления о тувинской литературе). Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1980. С. 79-104.
4. Калзан А. К. Общие тенденции развития языка тувинской литературы // Улуг-Хем. 2005. № 2. С. 128-136.
5. Калзан А. К. Роль тувинской художественной литературы в формировании и развитии национального литературного языка // Научный архив Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований (НА ТИГПИ). Д. 2106. 20 с.
6. Куулар Д. С. Тувинская поэзия: очерк истории. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1970. 140 с.
7. НА ТИГПИ. Ф. 3. Оп. 2. Кф. 2423. Stalin I. V. Stalinnyň sugaalaг. Къзыл, 1938. 173 а.
8. НА ТИГПИ. Ф. 3. Оп. 2. Кф. 2434. Jaroslavskij E. Leninig namdarь. Т. А. Sarьg-ool oculd. Къзыл, 1939. 282 а.
9. Пушкин А. С. Капитан уруу / тоожу. очулд. С. Самба-Люддуп. Кызыл: ТывНУЧ, 1950. 118 а.
10. Пушкин А. С. Сочинения: в 3-х т. М.: Худож. лит., 1985. Т. 1. Стихотворения. Сказки. Руслан и Людмила: поэма. 735 с.
11. Пушкин А. С. Чогаалдар чыындызы. Евгений Онегин. Капитан уруу / очулд. С. Пюрбю, С. Самба-Люддуп, Ш. Сат; ред. Ю. Кюнзегеш, А. Дембирел. Кызыл: Новости Тувы, 2001. 304 а.
12. Салчак В. С. «Белые пятна» в судьбе поэта Сергея Пюрбю // Гуманитарные исследования в Туве: сб. науч. тр. М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 2001. 331 с.
13. Салчак В. С. Тыва чогаал болгаш чогаалчылар дугайында. Кызыл: Аныяк, 2005. 90 а.
14. Тувинско-русский словарь: около 22000 слов / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. 648 с.
15. Тыва литература: допчу төөгүзү / под общ. ред. А. К. Калзана. Кызыл: ТывНУЧ, 1964, 239 а.
16. Тыва литератураның төөгүзүнүн очерктери. Кызыл: ТывНУЧ, 1975. 331 а.
17. Хадаханэ М. А. Тувинская проза. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1968. 132 с.
18. Якимова Л. «К нему не зарастет народная тропа» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nsc.ru/HBC/article.php?nid=178&id=14> (дата обращения: 17.12.2016).
19. Bicij turguzukular. Къзыл: Тыва кугунениң ном согаадыг сери, 1932. 133 а.
20. Сънды согаалдар. Къзыл: Тыва кугунениң ном согаадыг сери, 1937 // НА ТИГПИ. Кф. 2462. 193 а.
21. Сънды шилер. Къзыл, 1938 // НА ТИГПИ. Кф. 2485. 67 а.
22. Paşкь Lenin. Къзыл: Тыва кугунениң ном согаадыг сери, 1931. 18 а.
23. Pistij azьl. Къзыл: Тыва кугунениң ном согаадыг сери, 1934. 168 а.
24. Pushkin. Kapitan uruu. Къзыл: Тыва кугунениң ном согаадыг сери, 1938. 241 а.
25. Тајыньс къјгы: шылыктер. Къзыл: Курунениң каттышкан parlalga сери, 1943 // НА ТИГПИ. Кф. 2470. 92 а.
26. Uruglar nomu. Къзыл, 1939. 33 а // НА ТИГПИ. Кф. 2471.

FEATURES OF THE FIRST TRANSLATED WORKS IN TUVAN LITERATURE

Dongak Uran Aldyn-oolovna, Ph. D. in Philology

Tuvan Institute for Applied Studies of Humanities and Socioeconomics, Kyzyl
uranda@yandex.ru

The article considers the features of translation activity in Tuvan literature in the period of its formation. In this regard, the Tuvan translation of the poem by Alexander Pushkin “A monument I’ve raised not built with hands” is analyzed. The author substantiates the thesis that the translation activity of the 1930-40s in Tuva was very active, focused primarily on children and was directly connected with the political and ideological literature of that time. Translated literature contributed to the formation of the Tuvan literary language.

Key words and phrases: Tuvan literature in the 1930-40s; literary translation; Pushkin days; influence of Russian literature; ideological requirements; neologism; Tuvan literary language.